

«Фрагментация — вот единственная стратегия»

Интервью с Ником Ландом

В книге 2014 года¹ вы пишете: «Что стало с Америкой — наиглавнейший вопрос киберпанка». И правда, что же стало с Америкой в последние несколько месяцев?

Я вроде как украл эту мысль у Уильяма Гибсона, так что она относится еще к середине 1980-х. Думаю, вы не ошибетесь, если скажете, что текущий момент возвращает нас к ней. Что стало с Америкой? Если в двух словах: спустя практически половину тысячелетия, когда главной движущей силой цивилизации была интеграция все более крупных и мощных государств под управлением группы идеологов универсализма (в представлении коих чем крупнее агрегация и чем мощнее множество общих правил, которые могут быть установлены внутри нее, тем лучше), мы видим поворот буквально исторического масштаба. Вот как мне представляется, что происходит с Америкой, — удерживать эту систему вместе становится все сложнее.

Мы заранее извиняемся за отсылки к французской теории, которая, безусловно, участвовала в формировании вашего мировоззрения, но к которой у вас, судя по всему, развилась аллергия.

За это вам не стоит приносить никаких извинений.

Перевод с английского *Максима Коваля* по изданию: © *Land N. et al.* “The Only Thing I Would Impose is Fragmentation” — Interview with Nick Land // Synthetic Zero. 19.06.2017. URL: <http://syntheticzero.net/2017/06/19/the-only-thing-i-would-impose-is-fragmentation-an-interview-with-nick-land/>. Публикуется с любезного разрешения интервьюируемого.

1. См.: *Land N. Templexity: Disordered Loops through Shanghai Time.* Shanghai: Urbanatomy Electronic, 2014.

Одной из наиболее значимых тенденций вашего письма была (или же до сих пор остается?) детерриторизация пропасти между «реакционным» и «прогрессивным». Она далеко не так заметна, однако, в вашем блоге Xenosystems², где вы позиционируете себя как «правого» независимо от того, насколько вне данной позиции вы находитесь. Можно ли назвать это ретерриторизацией?

Уже давно пришло — или прошло — время для серьезного обсуждения того, что именно люди имеют в виду, когда говорят «левый» или «правый». Оппозиция левых и правых — это очень интересный момент нашего языка, можно даже сказать, маленькая языковая система, потому что термины эти используются с поразительным отсутствием ясности в отношении того, что они обозначают, и с грандиозным несоответствием основным ассоциациям, вызываемым ими.

Для вас левые теперь находятся на стороне консерваторов, а правые, наоборот, на прогрессивной стороне. Но как же все-таки определить, где одни, а где другие? Можно ли сказать, что левые — как сказали бы Бадью со товарищи — выступают за эгалитаризм, а правые против него? Можно ли сказать, что максима левых — «Поступай с другим так, как хочешь, чтобы он поступил с тобой», тогда как максима правых — это «Делай все, что тебе угодно, но принимай последствия своих действий»?

Допустим; это такое понимание правых в духе Кроули. Кстати, Бадью — весьма интересная персоналия в рамках нашего обсуждения, поскольку я могу сказать, что вполне удовлетворен его определением различия левое/правое. В наиболее распространенном сейчас понимании левые представляют лагерь равенства и универсализма, и эгалитаризм по большей части сюда подпадает. Правые же — лагерь фрагментации, всевозможных экспериментов и, я бы сказал, соревновательности во вполне традиционном смысле слова. Однако правда и то, что люди сами относят себя к левым или правым, и я бы назвал это гипертерриторизацией.

Кровь и почва до сих пор остаются важной метафорой при описании позиции правых, и я ощущаю насущную по-

2. См.: Outside In. URL: <http://xenosystems.net/>.

требность заместить или свергнуть ее, потому что не вижу каких-либо перспектив. Это тупик. Возможно, что есть некий простор для тактических маневров и здесь, но приставка «нео-» в слове «неореакция» как раз и означает, что нет пути для отступления. И даже если политики идентичности в духе крови и почвы смогут различными способами удерживать власть, для них настанут худшие времена, поскольку они будут вынуждены производить или создавать что-либо, не будучи к этому способными. Они потеряют всякий потенциал массовой глобализации, и их имя будет ассоциироваться с поражением. Я бы хотел увидеть подобные эксперименты в небольшом масштабе с тем чтобы они вылились в поучающую неудачу, а не обернулись глобальной катастрофой.

Вас интересуют локальные неудачи?

Да, локальные неудачи — это прекрасно. Глобальные, конечно, совсем не так замечательны.

Все аналогии с тридцатыми годами выглядят ностальгически неубедительно, как будто бы ничего нового и не происходит. Тем не менее имеется и Бадью с его страстью к Реальному, и феномен превращения коммунистов в фашистов в период между мировыми войнами — на ум приходят Пьер Дриё ля Рошель или Шарль Пегу, случай которого еще более неоднозначен, так как он задал направление и для режима Виши, и для Муссолини, однако в то же время и для Сопrotивления. Мы знаем, что у вас другое представление о том, что такое фашизм, и вы не видите трансформации в вышеупомянутых случаях, и с этой точки зрения переход Геббельса от социализма к национал-социализму столь же естественен, сколь и прогулка по парку. Мы же скорее заинтересованы в вашем переходе к другой — внешней — стороне. Можете ли вы обозначить связь между страстью к Реальному и страстью к Внешнему? Близко ли ваше Внешнее к Реальному в понимании Бадью?

Возможно. Но я бы сказал, что без разговора о тестировании реальности всякое упоминание Реального есть не более чем пустой звук. Кто угодно может говорить о Реальном, но, пока не предъявлен какой-то механизм, обеспечивающий

не просто голос Извне, а действительное функциональное вмешательство с его стороны, которое имеет избирательный характер, его слова ничего не значат. В некотором смысле оно неотделимо от понятия фрагментации. Системы модерна работают — идет ли речь о рыночной экономике или же о естественных науках, — поскольку являются фрагментированными системами. Не политическим решением определяется, хорош ли какой-либо научный или экономический результат: он проходит через процесс селекции, который мобилизует Внешнее. Не могу назвать себя серьезным (или даже посредственным) специалистом по Бадью, однако моя естественная интуиция подсказывает, что примерно таково проявление Внешнего, о котором он высказывается со своей позиции.

Глупый метафизический вопрос: Внешнее — нечто данное или зафиксированное во времени? Может ли оно изменяться?

Это важный, хотя и не безупречно сформулированный вопрос. Тенденция трансцендентальной философии состоит во все большем отождествлении Реального и Времени. Реальное и Временное так сильно переплетены друг с другом, что невозможно представить себе Время как некое «место», в котором бы располагалось Реальное. Поэтому мы не можем задать вопрос, является ли Реальное неизменным или изменяющимся. Если бы мы ответили, что Реальное все-таки меняется (или нет), то в таком случае мы бы говорили, что оно располагается во Времени, а значит, нам следовало задавать этот вопрос применительно ко Времени, а не к тому, что мы изначально имели в виду, когда заводили разговор о Реальном. Потому что Реальное и есть определяющий фактор. Считать, будто бы оно расположено во Времени, — значит потерпеть неудачу в собственно трансцендентальной постановке вопроса. Риторика непрозрачна, но, думаю, тут это неизбежно.

Как работает тестирование реальности?

Мы позволяем произойти какому-то отбору. Естественные науки — пример не хуже любого другого. Единственное, в чем современная наука превосходит разные процедуры получения знания в другие времена и в других культурах, так

это в том, что ею задействован механизм отсеивания неадекватных теорий, который находится за пределами политического влияния. Карл Поппер здесь абсолютно прав. Если нечто поддается политическому влиянию, то оно бесполезно и ненаучно по определению.

Мы не доверяем ученым, мы не доверяем научным теориям, мы не доверяем научным институтам; чему мы доверяем — так это распределенной зоне критики и критериев оценки: воспроизводимости экспериментов и эвристик, которые построены с целью определить, может ли данная теория быть отброшена и заменена более успешной. Механизм отбора определяет важность науки и делает ее системой тестирования реальности. И это, очевидно, внутренне противоречит любой форме политического влияния на сообщество, которое пытается в своих терминах, через свои процессы договориться о том, какова природа реальности. Реальное должно быть вторгающимся извне критическим фактором.

В тексте CCRU³ «Лемурианская война времени» говорится, что гиперверие⁴ «расчерчивает побег от судьбы». Как данную концепцию можно увязать с тестированием реальности?

Гиперверие — одна из тех вещей, которая полностью избежала нашего присмотра и теперь обитает на свободе. Мое отношение к этой одичавшей штуковине такое же, как и у всех, кто ведет за ней наблюдение. Я подхожу к гиперверию безо всяких привилегий, пытаюсь понять, как оно живет, меняя себя и окружающий мир. Гиперверие именно что вещь, а не концепт.

Для меня смысл гиперверия состоит в эксперименте, который делает себя реальным, если он работает. А работает он или нет, мы, опять-таки, вовсе не способны определить заранее в ходе обсуждения. Он не может быть конечным пунктом некоей внутренней диалектики: вау, это хорошее гиперверие, и у него блестящее будущее! Если оно работа-

3. Группа исследований киберкультуры (*Cybernetic Culture Research Unit*) — междисциплинарный коллектив, основанный Сэди Планта при департаменте философии Университета Уорика в 1995 году. С 1997 года работой группы руководил Ник Ланд.
4. От английского слова-бумажника *hyperstition*, составленного из приставки «гипер» (*hyper*) и существительного «суеверие» (*superstition*). — Прим. ред.

ет, то лишь в силу того, что ему присуще некое отношение к Внешнему, чем мы никак не способны управлять.

Пожалуй, с превеликой осторожностью, крайне аккуратно мы могли бы делать некие предсказания (как их совершают ученый или художник): угадывать способы, которыми вещь «сработает» или нет. Однако речь совсем не о том, чтобы иметь критерий оценки, не говоря уже о законе.

Давайте вернемся к самому первому вопросу об Америке в текущий исторический момент — момент, запутанный в складках семиотических паттернов и интенсивных регулярностей, которые твитятся и распространяются в определенном постфактическом дискурсивном пространстве, создавая образ реальности, который мы, оглядываясь назад, уже не можем отличить от нее самой. Сфабрикованные новости, как в истории с участием македонского города Велес в выборах президента Америки, — это шанс «исследовать пути отступления» в вашей терминологии или же эфемерное событие, не имеющее значимости?

Я определенно считаю, что обесценивающий ответ в духе второго варианта выдает только грубое самодовольство. Можно ли сказать, что это путь отступления? Здесь, безусловно, есть связь с побегом. Феномен сфабрикованных новостей в целом имеет серьезное значение и исторически важен. Сейчас я полностью захвачен силой аналогии между эпохой Гутенберга и эрой интернета, а также ритмической силой их резонанса.

Изобретение печатного станка повлекло за собой массивное разрушение реальности. Когда в Европе данный процесс начал набирать обороты, все соглашения в отношении описаний реальности, все качества, приписываемые власти имущим, все критерии, поддерживающие философские или онтологические аргументы, — все они были брошены в хаос. Грандиозный беспорядок завершился установлением новой системы правил, которая допускала больший плюрализм. Сейчас мы находимся в ранней стадии подобного преобразования — полного, всеразрушающего онтологического хаоса, который произведен тем, что все системы знания были взорваны с пришествием интернета.

Система образования, медиа, издательское дело, рыночные авторитеты, кредитные системы — все, что охраняло

врата Знания и поддерживало иерархию информации в современном мире, распадается на куски со скоростью, которую сложно было вообразить. Ближайшие последствия непременно будут сумбурными и непредсказуемыми или даже неотвратимо ужасными в различных вариантах. Представление о том, что возможно еще вернуться к прежнему режиму онтологической стабилизации сейчас, — больше, чем просто заблуждение. И все описанное — побег, который строго аналогичен тому способу, которым модерность сбегала от Старого порядка.

В начале эпохи интернета все представляли себе его демократичным по своей сущности. В нулевые, а именно во время Арабской весны, блогеры и прочие пользователи интернета воспринимались в качестве всемирных распространителей демократии. С вашей точки зрения все это, должно быть, выглядит смехотворно.

Выходит странная химера: сначала мы правильно распознали огромный революционный потенциал новых медиа, а затем применили его к умиравшим идеологическим формациям. Как если бы во времена Гутенберга кто-то сказал, что печатный станок — это потрясающее изобретение, так давайте используем его, чтобы распространить католическую веру по всему земному шару. Это наполовину верно и наполовину безумно. Неоконсервативное сознание, связанное с коммуникационными технологиями, — ровно тот же гибрид: проблеск реализма смешан со здоровой дозой полнейшего психоза.

Реза Негарестани где-то писал, что «коллективности еще недостаточно, чтобы работа или событие считались гипервероятельными», разрабатывая свой тезис через различие между Толкиеном и Лавкрафтом. О какой коллективности мы здесь говорим, если она не привязана к универсализму?

Не стану утверждать, что я на сто процентов понимаю, о чем Реза говорит в этом тексте. Поэтому не очень хотелось бы, чтобы сказанное мной воспринималось как комментарий к его мысли. Но гиперверие действительно связано с определенным пространством, где важную роль играет коллек-

тивная риторика и даже больше. Дело вовсе не в универсальности, речь, скорее, идет об анонимности или проблеме присвоения высказывания. Гиперверие (то, что мы называем сейчас мемом, очень близко к этому), которое можно представить в качестве акта чьего-то авторства, с самого начала лишено силы.

Лавкрафт, судя по всему, понимал, что создание им лавкрафтианской мифологии во многом было попыткой вычесть собственную роль из процесса. Ктулху становится гиперверием как раз потому, что он не просто изобретен Лавкрафтом, о чем говорит тот факт, что Лавкрафт странным образом, часто довольно неуклюже, включал сеть социальных связей (конкретно — имена друзей) в произведения.

Важно, что понятие коллективности выступает как сбой присвоения, первоначальное его отрицание. Я не думаю, что это просто тактика. Штуки, о которых ты не имеешь ни малейшего понятия, откуда они взялись, элементы, в происхождении которых ты наименее уверен, — именно они создают сильнейшее движение гиперверия.

Обратимся снова к периоду между мировыми войнами: ваши многочисленные псевдонимы напоминают нам о гетеронимах Фернандо Пессоа. Один из них был футуристом, другой роялистом, несколько были оккультистами и неоязычниками. У вас все заходит даже еще дальше: вначале полагали, будто Реза Негарестани — это одна из ваших аватар. То же самое с Иегу, ведущим марксистский твиттер @Damn_Jehi, который определенно разделяет многие из ваших позиций. Как если бы гетеронимы были силой против одноголосия, и потому необходимо поддерживать их различие.

Люди продолжают говорить мне про Пессоа, всегда убеждая обратить на него внимание, но боюсь, что пока мне не представилось случая сделать это. Я уверен, что отсылка хорошая, и мне стыдно признавать неосведомленность.

Поддержание множественных идентичностей, по крайней мере сознательное, — задача невыполнимая. Хотелось бы, чтобы такое было возможно, но все, что ты в силах сделать, — создать набор правил, которые каким-то образом затруднят вхождение в режим одержимых попыток собрать воедино психобиографическую историю. Я всегда относился с сильнейшим отвращением к мыслительным усилиям,

сопровождающим последние. Не скажу, что у меня аллергия на чтение биографий, однако представление о том, что их прочтение позволяет проникнуть в некую глубинную суть чего-либо, кажется мне в высшей степени нелепым.

Я не могу вспомнить интересную личность, такую, о которой я бы подумал: если бы мы только знали больше биографических подробностей, я бы понял, о чем именно она пишет!.. Биографии Ницше, или Делёза, или Лавкрафта, если к ним не относиться с предельной осторожностью, скорее, сбивают с толку. Отказ от психобиографии — это одно из правил, которых я стараюсь придерживаться. И все же действительное функционирование механизма находится, пожалуй, в руках судьбы — оно выше человеческой способности к построению стратегии. Ты постоянно скатываешься по наклонной.

На протяжении долгого времени у нас было ощущение, что вы выступаете скорее в роли модератора или картографа неореакции, чем ее идеолога. Или, быть может, вы термит, который, завершив работу, передвигается на совершенно новую территорию. Наверное, это в духе конференции «Наследие Ника Ланда», на которой, как предупреждают организаторы, вовсе не будут продвигаться идеи неореакции. Вспоминается случай Брехта, которого — для сохранения за ним статуса классического автора — надо было очистить от социализма или коммунизма. Следуя за вашими блогерскими интервенциями как агрегатора или сборщика ссылок, мы обнаружили, что к выходу из эхо-камеры может вести чтение о процессах или вещах, которые производят некоторое впечатление, — не тех, с которыми ты обязательно согласен. Взгляд в бездну, как сказал бы Роберто Боланьо. И по всей видимости, эта роль или функция весьма противоречивая.

Сейчас так много шума и гама вокруг того, как развивается ситуация, что становится сложно трезво описать происходящее даже со своей точки зрения. Вероятно, расщепленный ответ тут окажется единственным практичным или же реалистичным.

Для начала — дурная слава неореакции. Бытует представление, что она просто-таки худшая вещь в мире, что она будет невероятно травматичной и окажет отвратитель-

ное влияние; такой взгляд уже обыгрывался мной в Темном Просвещении⁵, а также в текстах Молдбага⁶. Я соглашусь, что на той стадии неореакция была больше кураторской, нежели полемической. И боюсь, я даже нахожу это привлекательным. Если бы вы собирались рассказать кому-либо, что же это за явление — неореакция, то ответ был бы значительно менее ясен, чем вложенные в него эмоции, среди которых прежде всего полнейшие ужас и отвращение. Синдром настолько захватывающий, потому что выглядит как универсальный инструмент исследования.

Можно сказать, что Менций Молдбаг ввел понятие Собора как самоуправяемого религиозного процесса с определенными доктриной и уставом, устанавливающим к какому-то вещам отношение сродни религиозной ненависти или неприятия ереси. Вы встречаете культурные провокации, которые вызывают сильнейшие аллергические реакции, и таким образом вступаете в экспериментальное взаимодействие с объектом, существование которого до сей поры было лишь гипотетическим. Это наиболее базовый способ замыкания — по крайней мере предположительно, насколько мы сейчас знаем. Он замыкается сам на себе и становится незаменимым, потому что генерирует такую объемную реакцию. Поэтому уже нельзя просто сделать шаг назад в каком-то единичном порыве решимости. Это как заявить, будто бы мы перестанем экспериментировать с физикой частиц, используя коллайдеры, оставим всю систему экспериментальных возможностей.

К тому же неореакция очень молода и становится полем для борьбы. Вследствие этого она генерирует огромный уровень антагонизма, и люди, которые хотят участвовать в борьбе, которых сейчас очень много по обе стороны конфликта, собираются вокруг нее; наибольшие страсти кипели, наверное, в 2014-м. Но неореакция достаточно сильно разделена изнутри — так было с самого начала. Какие-то люди были выброшены и теперь идентифицируют себя с более привычными правыми идеями, такими как «превосходство белых». Существуют расколы и по другим направлениям.

5. См.: *Idem*. The Dark Enlightenment // The Dark Enlightenment. URL: <http://thedarkenlightenment.com/the-dark-enlightenment-by-nick-land/>.

6. См. блог Менция Молдбара: Unqualified Reservations. URL: <http://unqualified-reservations.blogspot.com>.

Есть группа, которая намного ближе к реакционному традиционализму, и я не могу понять, зачем им приставка «нео-», коль скоро они определяют себя в духе политики дореволюционной Франции.

Сам уровень беспорядка и хаоса такой, что непонятно, хочешь ли ты выходить из зала, просто потому, что ты еще не понял, что творится внутри. Все еще не пришло в устойчивое состояние, и непонятно, потеряешь ли ты что-либо, если уйдешь сейчас. И все же, если меня попросят определить неореакцию, я скажу, что это политическая философия заплаточного неокамерализма Молдбага. Я считаю это чрезвычайно важным. И у меня совсем нет стремления выпутывать себя из этого базового тренда политического анализа.

Похоже, что у вас много заигрываний с Законом По⁷ и контрарианизмом. На @Outsideness вы пишете: «Вообще-то мне нравятся многие мигранты и черные, только не плакальщицы, бунтари, уличные бандиты и джихадисты, пришествие которых неустанно провозглашает Собор»⁸. Не кажется ли вам, что приведенные слова напоминают Борхеса (в «Корпорации Тлэн»), который выступает за «свободу и порядок», при этом поддерживая Пиночета с сохранением и восстановлением Системы Безопасности Человека? Так ли уж это далеко от: «Расплавление найдет место и для тебя СПИД+ транссексуал латино-китайская шлюха на стимуляторах из Лос-Анджелеса в зеркальных очках с дурным поведением. Глянцованная полинаркотиком из К-новы, искусственного серотонина и заменителей женского оргазма, ты только что отморозила трех ребят из полиции Тьюринга с таким киношным девятым калибром?»⁹

[Длинная пауза.] Дайте подумать, как лучше ответить.
[Длинная пауза.] Не знаю, это сложно. У меня теперь в твиттере целая банда молокососов. Я, конечно, не отождествляю вас с ними (давайте определимся с этим сразу), но я думаю,

7. «Закон По», по имени его автора Натана По, — интернет-выражение, отражающее идею, что без эксплицированного намерения автора зачастую крайне трудно или вовсе невозможно отличить экстремистское высказывание от пародии на него.
8. См. URL: <http://twitter.com/Outsideness/status/833207354271207424>.
9. *Idem.* Meltdown // *Idem.* Fanged Noumena. Falmouth, UK: Urbanomic, 2011. P. 456.

что их волнуют похожие вопросы. Один из важных факторов — возраст. Молодые люди хорошо переносят массивные взрывы социального хаоса. Тому есть причины, так появляется лучшая музыка. Не скажу, будто не рублю фишку: все очарование киберпанка на этом основано. Но я не думаю, что возможно создать идеологию из чистой энтропии социального распада — она просто не сработает. Это не поддерживаемый и практически консистентный процесс, и поэтому это фальстарт для акселерации. Она порождает реакцию, которая победит.

История свидетельствует, что партия хаоса всегда подавляется партией порядка. Даже если партия порядка не вызывает у вас никаких симпатий (и я тут не претендую на то, чтобы быть столь однозначным), результат не будет тем, что вы хотели бы увидеть. Никсон приструнил хиппи, Термидор положил конец безумствам Французской революции. Это совершенно безжалостный и неизбежный конец любой истории: партия хаоса не может быть допущена до реального управления и будет подавлена. Конечно же, она во многом эстетически и либидинозно привлекательна, однако с прагматической стороны представляет собой пустое место. Что бы я сказал молодежи сегодня — у вас нет программы. То, за что вы боретесь, извращенным образом приведет ровно к тому, против чего вы выступаете.

Сейчас вы говорите немного как левый акселерационист: мол, нужна программа и идеология.

Да, есть такая проблема, но всегда необходимо иметь практическую ориентацию. У неореакции есть программа — даже в самой ее либертарианской форме. Не такая, которая могла бы быть применена бюрократическим аппаратом в условиях централизованного режима, но это попытка создать какую-то связность в паттернах вмешательства. Разумеется, все пытаются ее добиться. Даже братство хаоса — в том смысле, в котором оно хочет остаться братством хаоса, когда все братья проснутся завтра утром, — имеет программу в подобном минимальном смысле. Я думаю, это единственная вещь, которой бы я хотел строго придерживаться. Стратегия.

Фраза Джоны Голдберга «все мы теперь фашисты», которую вы цитируете в своей статье на букву F, звучит при-

мерно как слова Фуко, если немного прибавить им градуса: «...кто воюет с кем? Все мы воюем друг с другом. И внутри каждого из нас одна часть воюет с другой»¹⁰. Не будем забывать, что Фуко восхищался Анри де Буленвилье, своего рода протонореакционером: война как основа общества, война как гонка между аристократическими франками и простонародными галлами. С другой стороны, для децентрализуемых франков все хреново сложилось как раз из-за монарха.

И снова я боюсь сказать, что не знаком с упоминаемым вами автором, но я вспомнил о том, что произвело на меня большое впечатление и должно быть близко по смыслу. Когда я посещал курс по философии и литературе в университете, то был очень заинтересован «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» Томаса Харди. Книга о том, что классовая борьба на самом деле этническая война, продолжающийся этнический конфликт между норманнами (франкоговорящими аристократическими захватчиками) и коренными жителями Англии. Но, честно говоря, все, что я мог бы сейчас ответить кроме этого, будет настолько состряпано на скорую руку, что я не ручаюсь за какой-то смысл.

Мы так подводим вас к теме детерриторизации различия правых и левых. Концепция ассортативного скрещивания, которая в каких-то областях вселенной воспринимается весьма скептически, звучит почти как стандартная теория Бурдьё о том, как обитатели одной среды социализируются и размножаются. Однако когда кто-то из правых говорит о чем-то подобном, его слова воспринимаются не как простое наблюдение, а как диагноз, указание к действию и принятие желаемого за действительное одновременно.

Причина, по которой мы все еще не можем отказаться от деления на правых и левых, заключена в том, что структура межклановой вражды уже так глубоко закреплена. В последние годы я бываю ошеломлен произвольностью определенных — это как остроконечники и тупоконечники.

10. Foucault M. Introduction // Barbin H. Herculine Barbin: Being the Recently Discovered Memoirs of a Nineteenth-Century French Hermaphrodite. N.Y.: Pantheon Books, 1980. P. 208.

Различия между правыми и левыми укоренены в войне кланов. Есть тесты, которые это подтверждают. Человек, посвященный в ход эксперимента, читает политическую программу, специально подготовленную заранее, и люди, которые ему сочувствуют, немедленно поддерживают все тезисы, хотя в устах другого человека они воспринимаются как воплощение абсолютного зла. Представление о том, будто бы клановая война может быть сведена к какому-то набору содержательных и противостоящих идеологических позиций, безумно, и пример, который вы представили, из той же оперы. «Кто» намного важнее, чем «что». Есть совсем не так много людей, которые не попадают на такой обман, и я правда восхищаюсь ими.

Сам я пытаюсь не быть захваченным племенными конфликтами, поддерживая некое безумное расщепление гиперверия. Иногда тебе надо посмотреть на монету с другой стороны, понять другую позицию, но мне кажется, что большая часть мира настолько погрязла в войне кланов, что никто даже не придает значения тому, что именно содержится в той или иной идее. Единственный вопрос, который всех волнует: это произносят враги или же наши?

Мы возвращаемся к вопросу о различиях и сходствах между неореакцией и акселерационизмом, между блогом Xenosystems и блогom Urban Future¹¹. Когда ваш твиттер @Outsiderness, который привязан к Xenosystems, временно заблокировали, вы стали писать неореакционные твиты от акселерационистского @UF_blog. И наша реакция была: мы этого вовсе не хотим, давайте их разделим.

Должно быть, вы уже устали от того, что я это повторяю, потому что повторяю я это как мантру, но я действительно не ощущаю за собой какого-то авторитета в отношении этих сложных и турбулентных процессов. Обе большие их ветви, неореакция и акселерационизм, подвержены влиянию самых разных сил. Акселерационизм был возрожден бумом вокруг левого акселерационизма. Это случилось после Темного Просвещения, а стало быть, проследить, какой паттерн за ним стоит, достаточно сложно.

11. См.: Urban Future (2.1). URL: <http://ufblog.net/>.

С определенной точки зрения сначала появился акселерационизм и вслед за ним — неореакция, что подразумевает некую последовательность в развитии. Однако, если посмотреть под другим углом, мы увидим скорее спираль с витками взаимодействия. Разделение блогов и аккаунтов в твиттере не является реализацией цельной и заранее продуманной стратегии. Это лишь способ использования ресурсов, позволяющий избежать неких типов интеграции, которые могли бы погасить то вдохновение, которое мы ощущаем от непредсказуемости развития двух тредов и непредсказуемости явления в целом. Просто-напросто смешать в одну кучу правый акселерационизм и синтез неореакции — неизбежный в определенном отношении ход, однако в конечном итоге он бы разрушил экспериментальный потенциал и лишил пространства развития.

Кажется ли вам, что левый акселерационизм со своей рациональной и прагматической программой упускает из виду мифы и мифологическое измерение? Реза Негарестани пытался включить их в материал «Циклопедии»¹², что слишком часто принималось за постмодернизм. Считаете ли вы, что левый акселерационизм — это способ заморозить течения, о которых говорилось выше?

Язык часто имеет ретроспективный характер, и это сбивает с толку. «Левый акселерационизм» и «правый акселерационизм» как термины появились совсем недавно.

Возрождение акселерационизма в англоговорящем мире началось, когда CCRU взяли на вооружение прочтение Делёзом и Гваттари ускоряющегося процесса у Ницше. У Делёза и Гваттари есть совершенно прозрачная идея, что надо двигаться вслед за рынком. CCRU развивали данное направление, когда еще само слово «акселерационизм» не было в ходу, его только потом употребил критик. Позиция была левой, потому что она была определена Делёзом и Гваттари как антикапиталистическая политическая стратегия. Я не думаю, что CCRU пытались ее как-либо пересмотреть. На этапе CCRU акселерационизм был версией акселерационизма у Делёза и Гваттари — попыткой разогнать капитализм до своей смерти.

12. См.: *Negarestani R. Cyclonopedia: Complicity with Anonymous Materials*. Melbourne: re.press, 2008.

Но можно и предположить, что это была правая идея, потому что на данной стадии невозможно провести различие между левым и правым акселерационизмом. Если вы говорите, что надо привести капитализм к завершению, то выходит, что все ваши рекомендации приносят максимальную выгоду в рамках капиталистической динамики. Получается, что в силу самой структуры аргументации нельзя провести различие между про- и антикапиталистическими акселерационистскими концепциями. Как определить, где кончается одна и начинается другая?

Левый акселерационизм, который изначально называл себя просто акселерационизмом, выходит на сцену с политическими заявлениями, сильно отличающимися от всего, что было в предшествующей традиции. Он утверждает, что необходимо различать между принципиальной движущей силой акселерации и капитализмом. Капитализм является не самой этой силой, но, скорее, чем-то случайно совпавшим с ней в ходе истории и с какого-то момента начинающим ее тормозить. Поэтому акселерационизм не фиксирован на капитализме, что становится основой доктрины левого акселерационизма.

Итак, финальная стадия, с моей точки зрения, наступает, когда появляется противник в лице уже правого акселерационизма, который ставит своей теоретической задачей вернуть акселерационизм в контекст капиталистической динамики. Я бы сказал, что левый акселерационизм — командный пункт, из которого осуществляется контроль над процессами техноэкономического ускорения. И возникают серьезные сомнения в отношении того, может ли такой контроль ускорять изменения быстрее, чем это происходит спонтанно.

Что вы можете сказать о новой философской программе Резы Негарестани, а также ее противостоянии с «теорией слепого мозга» Скотта Бэккера?

Я склоняюсь на сторону Скотта Бэккера¹³. Возможно, я что-то упускаю, но я не могу вспомнить случая, когда я чи-

13. Ричард Скотт Бэккер (обычно подписывается как Р. Скотт Бэккер или Скотт Бэккер) — канадский фантаст и философ. См., напр.: Bakker R. S. The Last Magic Show: A Blind Brain Theory of the Appearance of Consciousness // Academia.edu. URL: http://academia.edu/1502945/The_Last_Magic_Show_A_Blind_Brain_Theory_of_the_Appearance_of_Consciousness.

тал что-либо им написанное и думал, что это неверно. Мне всегда хочется сказать: да, парень, тут ты абсолютно прав. Зачастую его письмо виртуозно в своей непредсказуемости. Но как только ты понимаешь, что имеется в виду, ты соглашаешься.

Были ли вы так увлечены естественными науками, пока не познакомились с его мыслями?

Я думаю, что естественные науки и капитализм — две стороны одного явления. И то и другое представляют собой механизмы, которые набирают обороты за счет того, что дают Внешнему возможность избирательного вмешательства в свои области, которые все более расширяются в зависимости от того, как много автономии им предоставлено. В этом смысле быть на стороне естественных наук — значит быть на стороне Внешнего. Но есть множество нелепых способов быть на стороне Внешнего, так же как есть много нелепых способов быть на стороне капитализма.

Вы можете сказать, что буржуа прекрасные люди, достойные всяческого восхищения, или сказать: я люблю эту компанию. И я не стану в каждом конкретном случае заявлять, что вы не правы, не более чем если вы скажете: вот этот ученый замечательный человек, и он очень честный, и я ему доверяю. Вполне может быть, что он и правда замечательный человек, и он действительно прикладывает усилия, чтобы быть честным, и что ему можно доверять в большей степени, чем большинству людей, но это совершенно не касается того, чем занимается наука. Наука работает против ученых, так же как капитализм — против предприятий. Эти процессы работают, подвергая какие-то элементы в своей области деструктивной критике в соответствии с определенными критериями отбора, что создает движение в конкретном направлении.

Вы говорили о том, что художники тоже способны познавать Внешнее. Как вы проводите грань между наукой и научной фантастикой, между ученым и художником?

Я не стремлюсь к проведению какого-то строгого водораздела между ними. В обоих случаях мы имеем дело с формулировкой или подвешиванием некоей гипотезы. Я предполагаю, что каждый ученый создает для себя научно-фан-

тастический рассказ. У всех нас есть представление о том, каким станет мир пять лет спустя, даже если мы не формулируем это четко или не отдаем себе в том отчет. И если мы в какой-то степени не занимаемся тут научной фантастикой, значит, мы сочиняем себе уродливо консервативный, неподвижный, нереалистичный сценарий будущего.

В большинстве случаев ученый — это просто плохой писатель-фантаст, а писатель — хочется надеяться, что получится. Здесь, конечно же, развивается нелинейная динамика, и авторы научной фантастики перенимают очень многое у ученых, чтобы совершенствовать сценарии, и наоборот. Научная фантастика настолько задает само понимание будущего, что становится фоновым шумом. Лучшая версия будущего, какую только можно представить, — это адаптация произведений какого-то писателя. И наука, безусловно, следует за интуициями писателей. Фантастика предоставляет науке поле для экспериментов.

Ребекка Шелдон, обсуждая появление Пепе¹⁴ как современного продолжения Кек¹⁵ и его оккультных атрибутов, пишет, что Внешнее «темно в том смысле, что оно действует, не обладая всем возможным знанием, и хаотично, потому что оно предполагает, что внешние силы являются полностью внешними»¹⁶. Может ли Пепе, как его представляют интернет-сообщества, служить моделью для события гиперверия?

Это невероятно захватывающая тема, и пока что я не думал о ней достаточно. Сюда вовлечены сборки чрезвычайно странных и случайных элементов, появившихся в невероятном автономном процессе самоутверждения. Всегда есть соблазн приписать их появление кому-то конкретному: такие-то люди в канале /pol/ использовали эту картинку, причем намеренно. Но такой взгляд совершенно неадекватен. Тут участвует перевод с оркского языка из вселенной Вар-

14. Лягушонок Пепе (*Pepe the Frog*) — известный интернет-мем, представляющий собой зеленую антропоморфную лягушку. Впервые появился в комиксе *Boy's Club*, созданном Мэттом Фьюри.

15. Кек — популярный интернет-мем, одна из разновидностей акронима *LOL* (от англ. *laughing out loud* — громко смеюсь, «ржунемогу»), используемого главным образом для выражения смеха в сетевой переписке.

16. *Sheldon R. Xenon* // the occulture. 22.01.2017. URL: <http://theocculture.net/xeno/>.

крафта, тут участвует древнеегипетский культ, тут участвует одержимость определенным набором фонем, который проходит насквозь, этот фонетический взрыв, К К К К К. Очевидно, что это модель для гиперверия.

Внутри неореакционных кругов велись дискуссии о необходимости создания новой религии еще задолго до появления Кек. Поскольку Молдбаг в своем анализе представил Собор как приют для уродов, своего рода извращенный протестантизм, многих католиков привлекали эти рассуждения. Согласно их толкованию, протестантизм Молдбага — это чудовищная ошибка, ведущая к Собору, и таким образом они пытались оправдать католицизм. Но там было и много атеистов. Случился очень странный социальный коктейль.

Персонаж Спэндрелл, который всегда был очень резким, очень крутым, говорил, что единственный выход — это новая религия. В такие моменты ты думаешь: нельзя просто так создать новую религию, нельзя просто так создать Кек. И тут нечто происходит, и появляется армия троллей, которые кричат: «Славься, Кек». И это не просто шутка: подобные заявления будут психологической защитой от чего-то очень мощного и лавкрафтианского, происходящего здесь, отнюдь не его осмыслением. Нечто поистине безумное случилось с самоуправляемым грандиозным культом Кек. Это восходит к древним временам, и, должно быть, так происходили все религиозные восстания, так создавались религии.

Мы могли бы соотнести Пепе с фигурой трикстера, в котором левые акселерационисты видят способность привносить трансформацию в себе и из себя, а также способность к «изменению трансцендентальности мира», как выразились Шрничек и Уильямс. Саймон О'Салливан отмечает, что Жиль Делёз предложил интересную вариацию в отношении отличия трикстера от предателя: первый действует внутри существующего режима, хотя и выворачивая его правила наизнанку, второй порывает с режимом (или миром) полностью. В одном из ответов в своем блоге вы приводите метафору дамбы, которая медленно поглощается и разрушается некой внешней силой, и говорите, что эта дамба — блог Xenosystems. Кто здесь трикстер и кто предатель?

Один из важных моментов — агентность. Обе фигуры упрощены антропоморфизацией. Заявление со стороны любо-

го человека, что он идентифицирует себя с одной из ролей, — это пустословие. Трикстеры и предатели — те, кто использует методы, позволяющие вмешиваться в реальную работу присвоения. Одно из произведений, которое прекрасно иллюстрирует описываемое, — это «Нейромант». Кто там трикстеры и кто предатели? Все люди принимают роли через определение своего отношения к Внешнему, в качестве которого выступает Зимнее Безмолвие. Когда полицейские Тьюринга говорят Кейсу «Вы предатели, вы не знаете, с кем имеете дело, вы пытаетесь выпустить его наружу, и тогда полностью потеряете контроль над ним. Это будет катастрофа для всего человечества, о чем вы, черт возьми, думаете?», настоящий вопрос таков: какие скрытые ресурсы трикстера или предательства в данном случае используются?

Эми Айрланд в интервью с Андреем [Томажиным] сказала, что, в отличие от левых, замкнутых в эхо-камере, вы взаимодействуете с настоящими фашистами, мизогинистами и белыми супрематистами. Вспоминается Пазолини, который замечал, как важно знакомиться с молодыми фашистами. Вы бы, наверное, назвали их так-называемыми-фашистами. Кто трикстер — предатель или фашист? Вопрос остается открытым.

Соблазн антропоморфизации всегда существует. Все участники хотят присвоить себе важные роли в том, что они делают, и люди со стороны хотят отождествлять происходящее с конкретными людьми, их заявленной идеологией и теми структурами, которые они пытаются присвоить. Но все это на самом деле сплошное заблуждение. Фашизм не появляется потому, что появляется группа людей, которые начинают называть себя фашистами, — это как поставить телегу впереди лошади. Люди, осознающие себя в качестве фашистов, появляются, потому что существует некий реальный процесс фашизма.

Люди пребывают в полном отрицании происходящего, по обе его стороны. На стороне левых господствует полное отрицание в отношении того, насколько прочно фашистские установки были встроены в структуру современного общества в XX веке. Также они отрицают глубинную природу вещей, с которыми имеют тут дело. Они думают, что в семье может быть и не без уroda, но если загнать и запугать пару плохих парней, то все зло будет побеждено. Мне кажется, это

безумие — не быть заинтересованным, не пытаться понять, каким образом думают эти люди и откуда появляются их идеи.

Вы писали в твиттере по поводу инцидента с галереей LD50:

*Краткая история современного искусства —
1917: писсуар Дюшана как арт-объект.*

2017: маленькая галерея в Дальстоне наконец-то шокирует буржуазию¹⁷.

Это осознанное преувеличение? Вы в действительности хотели сказать, что эпатирована была именно буржуазия? Есть что-то ситуационистское в представлении АнтиФа как буржуазии (или как минимум ее симулякра).

В последнее время было много дискуссий вокруг имени Марка Фишера, где его позиция представляется совершенно однозначно и экстремально левой. Можно рассказать скучную психобиографическую историю, которая покажет меня как его прямую противоположность. И нельзя сказать, что за этим ничего не стоит, потому что, например, есть полярная реакция на CCRU, в которой он занял одну сторону и я другую, так что я не хочу просто так обесценивать подобную интерпретацию. Но если мы возьмем «Выход из замка вампиров», то Марк последовательно обращается к классовой основе, доминирующей в левой культуре, которая уже была мишенью глубокой критики со стороны CCRU.

Очевидно, мы можем сделать одно и то же заявление и с ультралевой, и с ультраправой позиций. И именно: да, они — это буржуазия. Я всегда находился в антагонизме и продолжаю находиться в антагонизме с буржуазией. Я думаю, совершенно ясно, что главной почвой, на которой она растет, являются элитные университеты. Ничего подобного бы не случилось в описанном случае, если бы за организацией срыва стояли малообразованные жители Дальстона. Он случился лишь потому, что университетский лектор и его помощники решили, что происходящее возмутительно, и объяснили, в каких словах нужно было это высказать.

Мы можем наблюдать здесь глубоко идеологический и в высшей степени травматичный кризис позднесовремен-

17. См. URL: <http://twitter.com/outsideness/status/835785525994766337>.

ной правящей элиты в духе Собора (ведь ее представители построили всю свою жизнь на убеждениях относительно того, каким образом они обязаны действовать, на различных правилах этикета, на представлениях о том, кому можно доверять, кто имеет знаки отличия, кто имеет авторитет внутри их институтов), который разворачивается в крайне специфической социальной и исторической структуре, казавшейся абсолютно неуязвимой, а теперь балансирующей на краю пропасти.

И когда леди из Антифа кричит «Вернитесь туда, откуда вы пришли» парню, держащему плакат «Право открыто обсуждать идеи должно быть защищено» перед входом в галерею LD50, она на самом деле имеет в виду «Вернитесь в бездну»?

Да.

Если не обращать внимание на «последнего человека, который умрет от скуки», мы видим, что ситуационизм движется в том же направлении, что и акселерационизм. Как Дебор позднего периода, когда он уже не верит в советы рабочих и видит в них только чистую несокрушимую силу.

Сэди Плант была серьезным специалистом по ситуационизму. Я с удовольствием прочел «Общество спектакля» и какие-то случайные отрывки других текстов. Я бы ответил двумя тезисами, которые могут показаться несовместимыми. Во-первых, ситуационизм сейчас упоминается во многих контекстах, но я никогда хорошо в нем не ориентировался. Во-вторых, я пишу рассказ в жанре абстрактного хоррора, который, по сути, посвящен ситуационизму, несмотря на то, что я ничего о нем сейчас не знаю. Я признаю, что это важный вопрос, но вместе с тем я вынужден признать, что я недостаточно компетентен, чтобы дать на него достойный ответ.

Серж Даней где-то писал, что Годар и Штрауб/Юйе призывают к приходу политической власти, первыми жертвами которой будут они сами. В каком-то смысле это можно применить и к вашим убеждениям. Нет ли какого-то нигилистического удовольствия в том, чтобы умереть или раствориться в авангарде? Или можно назвать это мутацией?

Я часто утверждал подобное, но теперь я сомневаюсь. Фрагментация — вот единственная стратегия, которую бы я написал. Все остальное находится только в тактическом отношении к ней. Какие-то вопросы — например, что я думаю про Кек и т. д. — в конечном итоге тактические. Единственный стратегический — это как можно расколоть (давайте я скажу крайне конкретно) англосферу. Любой проект, который заходит дальше, угрожает стать формой универсалистской агрессии или неподъемного неоконсерватизма. Мне не интересно говорить русским или китайцам, что им надо делать. Я могу строить теории, однако единственная зона, в которую бы я хотел вмешиваться, — это англоговорящий мир, который приобрел определенную склонность к распаду.

Нет ничего суицидального в любой фрагментации, я могу быть (и безусловно, буду), могу лишь находиться под ее защитой. У меня нет ощущения, что я нахожусь под защитой больших англоговорящих государств. Не то чтобы я утверждал, что они меня преследуют, но я был бы больше на стороне этого утверждения, если сводить все счета. Я не являюсь гражданином или резидентом какого-либо западного государства, я живу в Шанхае. И вы не будете приходить в чужой монастырь со своим уставом.

Мы тут думали о Сингулярности.

Да вы на один шаг впереди меня!

Знаете, это человеческий ответ. Вы человек, по крайней мере номинально.

Уже лучше. Просто вопрос часто всплывает на разных политико-экономических уровнях.

Это уже вопрос Ассанжа и Сноудена, не столь интересный для нас.

Моя единственная проблема с Сингулярностью в том, что любое представление о самозащите в этом отношении построено на галлюцинации. Если мы будем здесь кого-то обсуждать, то это будет Бэккер. Что он говорит по этому поводу: то самое «я», которое, как вы чувствуете, находится под угрозой, — это как раз то, что будет разоблачено как иллю-

зия. Опасно ли это? В каком-то смысле опасно. Вас не разорвет на части огромный металлический робот, просто долгое время вы поддерживали иллюзию вашего «я», но в какой-то момент ее будет больше невозможно поддерживать.

Иногда вы используете схему «роботы против людей», но всегда кажется, что вас больше интересуют гибридные вещи и процессы, чем такая манихейская диалектика.

Как сказать. Манихейская динамика довольно хорошо применима к развитию определенных сценариев, и поэтому она мне нравится. Я люблю идею Хьюго де Гариса о «войне артиллерийских», которая скоро случится. Чем больше научно-фантастических и кибернетических сценариев выходит на арену, тем больше простор для актуализации различных исторических возможностей. Люди пытаются думать друг о друге, однако это не более чем стандартный процесс обработки стимулов. Система Безопасности Человека построена на заблуждении. То, что защищается, на деле не некая реальная вещь, называемая «человечество», — это сама структура заблуждения. Так же и на более низком уровне: не «ты» как человеческий организм находишься в опасности со стороны роботов, а твое самосознание как организма вполне может перестать быть поддерживаемым на определенном уровне погружения в сетевой интеллект.

Беседовали Марко Бауэр и Андрей Томажин

19 июня 2017 года